

В

ышла новая книга литературного критика, публициста и прозаика Петра Ткаченко «Встретимся на том свете, или Возвращение Рябоконя» (М., «У Никитских ворот», 2018). Книга имеет подзаголовки: «Ненаписанная повесть, запоздалые и современные рассказы». Но прежде чем сказать о своеобразии прозы писателя, а она очень даже отличается от того, что мы называем *современной* прозой, следует отметить, какую художническую задачу (а она у каждого истинного писателя непременно есть) исполняет Петр Ткаченко в нашем нынешнем литературном безвременье, когда русская литература вытеснена из общественного сознания и, по сути, изгнана из образования. Исполняет тем, как перечитывает вершинные творения русской литературы, начиная со «Слова о полку Игореве», полагая, что без такого перечитывания продолжение русской литературной традиции невозможно. И тем, как объясняет происходящее ныне в мире, у нас в России и с нами... А его представления о жизни и литературе далеки от расхожих, как правило, идеологизированных, вне зависимости от того, какая именно идеология мешает проникнуть в суть вещей и нащупать спасительный путь и для личности, и

для народа. Исполняет свою задачу, наконец, тем, какой образ жизни он ведет в наше, с точки зрения мировоззренческой, невнятное время...

У каждого писателя есть такая привязка, что ли, к жизни, обусловленная его судьбой, характером и масштабом дарования, придерживаясь которой, он выражает свои заветные представления и убеждения. Свое понимание мира и человека в нем. Создает свой художественный мир. Это для него, образно говоря, — как бы некий спасительный круг, брошенный ему самим Провидением, который не позволяет утонуть в вечно бушующей, беспредельной стихии жизни. Для одних писателей таким спасительным кругом является та или иная тема: городская, сельская, производственная, военная... Для других — мир детства, как некий нетускнеющий идеал. Для, пожалуй, большинства писателей животворящим спасением является их малая родина. Для Петра Ткаченко — это родная Кубань, станица Старонижестеблиевская, «Куринь Стебликивский!», как сказано о ней в «Тарасе Бульбе» Н. Гоголя. Вот уже около полувека, как он ежегодно и неизменно возвращается сюда, хотя здесь, кроме родного дома и родительских могил, его никто не ждет... Но и эта тяга к малой родине у

него не такая, как у многих, когда родина остается каким-то романтическим неизменным образом, не подвергающимся воздействию тех вселенских ветров, которые бушуют вокруг. Он не мечтает о родине, а живет на ней и вместе с ней. Десятилетиями он выступает в местных газетах по проблемам культуры, литературы, истории, общественной жизни. И читатели подумать, пожалуй, не могут, что это пишет автор, покинувший родину сорок семь лет назад...

За долгие годы у него, действительно, сложилось какое-то своеобразное житие между столицей и станицей. Безусловно, хлопотное, но в творческом отношении плодотворное. Ведь он является составителем первого словаря кубанского диалекта «Кубанский говор. Балакачка», пользующегося популярностью и вышедшего вот уже пятью изданиями. Это очень важный аспект локальной кубанской культуры, так как он противостоит «украинофильской» идеологии, миазмы которой есть и на Кубани. Видимо, поэтому словарь кубанского диалекта, в отличие от других областей и краев России, долгое время и не получался. В этом году исполняется двадцать лет первого издания этого авторского словаря писателя.

Только за последние годы в краснодарском книжном издательстве «Традиция», помимо словаря диалекта, вышли книги Петра Ткаченко «Кубанские пословицы и поговорки», «Кубанские обряды», «Кубанская свадьба», «Давай-тэ трохэ побалакаем», «Кубанские байки. Та брехня, что лучше правды». «Кубанские песни. С точки зрения поэтической». И, видимо, по примеру Василия Белова — «Кубанский лад. Традиционная народная культура: вчера, сегодня, завтра». Читателям, видимо, трудно даже предположить, что все это делает автор, около полувека проживающий в Москве. И все это делается в условиях «рынка», что уж там, являющимся скрытой формой подавления культуры, а литературы в особенности.

Видя разрушенность литературно-художественного процесса, Петр Тка-

ченко предпринял издание авторского литературно-публицистического альманаха «Соленая Подкова» (по названию лечебного грязевого озера близ его родовой станицы). Кажется, это единственное в своем роде издание, которое, уверен, выявило очень важный срез состояния литературы и ее положения в обществе в смутные послереволюционные годы. Как в этих изданиях, так и в своих литературоведческих исследованиях он, прежде всего, пытается выявить народную основу нашей жизни, остающуюся пока, прямо скажем, непопулярной. Скажу об этом своими стихами, когда-то посвященными писателю: «Мы нищету друг с другом делим, / Сиротский хлебушек жуем. / В Россию мы не просто верим, / Мы в ней живем». Автор следует той традиции, которую развивал еще Ап. Григорьев, что народное — это не только сельское, ибо дух дышит, где хочет. А мы добавим, что народное — это не упрощенное и простое, как у нас сплошь и рядом вполне серьезно представляется... Наш кубанский писатель Виктор Богданов справедливо писал: «Благодаря трудам Ткаченко кубанский казачий мир обрел уста и выразил себя в конце XX — начале XXI вв. Такой талант неслучайно рожден самой почвой, самой казачьей землей, пропитанной духом истории и патриотизма. Его творчество — это подвиг жизни...»

Уверен, что если бы у нас теперь был полноценный литературно-художественный процесс, новая прозаическая книга Петра Ткаченко, так же, как и его книга литературно-критических повестей «До разгрома и после него», недавно вышедшая в том же издательстве «У Никитских ворот», стали бы предметом заинтересованного обсуждения. Ведь в ней он предпринял непривычное прочтение ключевых произведений русской литературы через христианское понимание мира. Даже название книга получила по повести автора, в которой он прочитывает роман А. Фадеева «Разгром», через библейские образы. Что и говорить, взгляд необычный.

В своей книге критик задается кардинальными вопросами русской литературы и жизни. Александр Хинштейн в книге «Конец Атлантиды», сразу после выхода ставшей популярной, задается резонным вопросом: «Но я, убей бог, все равно не понимаю: почему во имя свободы непременно требовалось уничтожить страну?» На этот вопрос Петр Ткаченко отвечает в повести «Стихийных сил не превозмочь», перечитывая «Медный всадник» А.С. Пушкина. Ну, как же, мол, может быть иначе, если всем поколениям школьников, всем читателям вбивалось революционное представление, что в поэме великий поэт противопоставил две силы: государство в образе Петра I и простого человека в образе Евгения. И что личная свобода человека может быть достижима не иначе, как только и исключительно через сокрушение государства... И это притом, что А.С. Пушкин такого смысла в поэму не вкладывал. Его современники такого смысла в ней не обнаруживали. Его привнесли революционные демократы позже. А в советское время это и вовсе приобрело вульгарно-социологический характер. В повести «После неистового Виссариона» наглядно обнажается сверхзадача автора: выстроить справедливую иерархию ценностей в русской литературе, которая, по его мнению, все еще не является таковой. Критик убедительно пишет о загадочном убийстве М.Ю. Лермонтова. А в повести «Пред ликом родины суровой я закачаюсь на кресте» — о тайне смерти Александра Блока. В «Тихом Доне» рассматривает сон генерала Корнилова, литературоведами оставшийся не замеченным. Это ведь равносильно тому, если бы мы не заметили «мутен сон» Святослава в «Слове о полку Игореве»... Тут всего не перескажешь. Словом, это не занимательное, а глубокое интеллектуальное исследование, которое надо читать. Это, действительно, интересно и написано хорошим языком.

Но вернусь к новой книге писателя «Встретимся на том свете, или Возвращение Рябоконя», которая и стала по-

водом для того, чтобы хоть кое-что сказать о его разностороннем творчестве. Проза Петра Ткаченко тоже не совсем обычна. Она строго документальна, исторична и биографична. Но вместе с тем, это не история, не этнография и не бытописание, но именно художественное образное повествование. В реальной жизни, как прошлой, так и нынешней, автор находит такие паразитические переплетения событий и человеческих судеб, для постижения которых как бы и не требуется вымысла. За годы литературного безвременья, у него выработался своеобразный стиль, когда действительные события и судьбы реальных людей сопровождаются фотографиями, как бы компенсирующими нынешнюю неслышимость слова. Фотография, изобразительный ряд, таким образом, становятся неотъемлемой частью художественного произведения. Это можно назвать новым реализмом, который продиктован нашим временем, состоянием человеческих душ и положением литературы в обществе. Писатель пытается выявить, прежде всего, духовные основы нашего бытия. Привлекает он в свою прозу и документы времени. Причем такие, которые подчас неизвестны и историкам. Чтобы было понятно, в чем же состоит своеобразие прозы писателя, сошлюсь на его рассказ «Неопалимая Таисия». В нем он рассказывает о своих станичниках, девушках Тая Троян и Гале Степуре, которые весной 1943 года действительно совершили подвиг, были замучены и сожжены фашистами. Собирая материал для рассказа, автор нашел у сестры-старушки Таи Троян ее довоенные фотографии. Среди них была и эта, на которой Тая еще школьницей изображена в виньетке, как было тогда модно. А виньетка была в виде *пламени*... Видимо, фотограф хотел тем самым передать горение юных сердец, а получилось печальное пророчество — Тая действительно была сожжена. Такое ведь преднамеренно не выдумашь... Но этим рассказ не закончился. Он получил неожиданное продолжение уже в реальной жизни. Дело

в том, что автор назвал имена тех подростков, которые выдали девушек... И вот в станицу приезжает группа, скажем так, заинтересованных лиц, для разборки с писателем. Усмотрели в рассказе то, что «наших бьют». Слава Богу, автор вовремя обратился в прокуратуру, и обошлось без жертв. А погибшие девушки, между тем, все еще оставались захороненными не на кладбище, а на частных огородах. Однако и на этом рассказ не заканчивается. Семьдесят лет спустя после гибели девушек, в скорбный день начала Великой Отечественной войны, 22 июня, прах их был, наконец-то, перенесен на станичное кладбище хлопотами поисковика из станицы Полтавской Виталия Руликова-Черного. Перезахоронение благословил настоятель станичного Троицкого храма. Он же и отпел девушек при многочисленном стечении людей. Теперь девушки покоятся вместе со всеми, на все времена. Таковой вот получилась связь литературы с жизнью...

В книгу вошла также повесть «Возвращение Рябоконя» — о гражданской войне на юге России, на Кубани, в приазовских плавнях. Это повесть о истинном народном характере — о Василии Федоровиче Рябоконе, являвшемся символом справедливости и духовного стоицизма в условиях революционного анархизма. Скрывавшемся в плавнях с малой группой сподвижников, вплоть до конца 1924 года. О кубанском Робин Гуде, до сих пор не реабилитированном. Своего героя, для старых и новых идеологов остающегося разбойником, реабилитировал и оправдал сам народ, передавая в поколениях легенды о нем, как и о всяком, действительно народном герое, неуловимом и бессмертном. Автор рассматривает со-

бытия гражданской войны не с точки зрения противоборствующих сторон, но с точки зрения народного самосознания.

Литературный критик Петр Ткаченко занимается не только русской классической литературой, но и современной. Знаю это по себе. Он представлял меня в свое время на страницах газет «Советская Россия», «Литературная Россия», «Литературная газета» и в других изданиях. Более того, пятнадцать лет назад составил и представил мою первую московскую книгу стихотворений «Дни, дарованные свыше».

К книге «Встретимся на том свете, или Возвращение Рябоконя» Петр Ткаченко взял эпиграфом стихи Александра Блока: «Я искал бесконечно красивых / И бессмертно влюбленных в молву...» Совершенно очевидно, что такой эпиграф к книге вполне оправдан. В нашей истерзанной «реформами» и «демократической» революцией жизни, среди стольких безобразий, автор находит такие аспекты ее, таких людей, которые свидетельствуют о крепости человеческого и народного духа. Это, видимо, и есть следование Евангельской мудрости: «Не то, что входит в уста, оскверняет человека; но то, что выходит из уст, оскверняет человека» (Евангелие от Матфея 15,11). Когда-то, размышляя о судьбе автора, я написал стихи, ему посвященные. Полагаю, что будет уместным привести их в отзыве на его новую книгу:

Возвращаюсь с рыбалки ночной, /
Диких уток срываю с ночлега. / Я устал
и замерз, как тот Ной — / Капитан и
строитель ковчега. // Жутковато в суденышке
утлом / В полной темени
плыть наугад. / Но сгущается тьма
перед утром, / Это мною проверено, брат.

